

Разобраться в «Мотивах»

В ГОСУДАРСТВЕННОМ музее Востока открылась выставка «Восточные мотивы в творчестве Сергея Скубко и Людмилы Скубко-Карпас». Куратор проекта — старший научный сотрудник музея Лидия Рославцева. Здесь показано 30 работ из собрания семьи художников, включающего в себя около 200 произведений. Многие вещи, по словам Юрия, старшего научного сотрудника Центра исследований Юга Африки Института Африки РАН, разошлись по музеям, частным коллекциям, уехали за границу. Собрать их вместе практически невозможно. А ведь творчество масте-

ров, уже ушедших из жизни, заслуживает особого внимания.

Казалось бы, у них был совершенно разный бэкграунд. Она из интеллигентной семьи, родилась в Петрограде, выросла в Москве, на Арбате, брала уроки у Роберта Фалька. Именно он определил ее тонкое восприятие цвета.

— Глаз маме «поставил» Фальк, — рассказал Юрий Скубко. — Он жил по соседству. Вернувшись из эвакуации, мама поступила в Строгановку. Училась, но не блистала, не знала, что делать дальше. В это время огромное влияние на нее оказал Фальк. Она не пошла по авангардистскому пути, но хорошо усвоила

его колористические уроки. Поступила в Институт имени Сурикова. В первые годы совместной деятельности во многом помогла отцу.

Сергей Скубко — родом из казачьего села Сташевка Приморского края, расположенного на границе с Китаем. После войны был принят в Суриковский, где и познакомился с будущей женой. Преподавал в Университете дружбы народов, писал портреты экзотических студентов-иностранцев — некоторые работы можно увидеть на выставке. Каждое лето — на протяжении двух десятилетий — ездил в Среднюю Азию, влюбившись в нее однажды и навсегда. Юрий Скубко

вспоминает слова Киплинга: «Кто услышал зов Востока, вечно помнит этот зов». Людмила Львовна побывала в Средней Азии лишь однажды. Важную роль в ее творчестве сыграл Париж, куда она уехала после падения Союза. «Художники влияли друг на друга, но при этом шли параллельными, независимыми путями», — поясняет Лидия Рославцева.

— В начале 90-х мама подумала, что впереди развал страны, кровопролитие, — вспоминает Юрий Скубко. — Хотела переждать самые тяжелые годы. Благодаря докторантуре в Сорбонне я перевез ее и брата в Париж. Могли там остаться, но ностальгия замучила. Психологически тяжело в чужой культуре. Поэтому мы с мамой вернулись.

Во Франции Людмила Скубко-Карпас много работала в технике пастели, причем, по словам Лидии Рославцевой, ее привлекали яркие модели: так, в экспозиции можно увидеть изображение ассирийки из Ливана (1996). Стиль ее произведений ближе к импрессионизму, хотя она всегда отдавала предпочтение реалистической школе. Людмила Львовна показала себя и как прекрасный рисовальщик. На выставке есть пронзительный карандашный портрет чернокожего мальчика Поля — дитя фестивального 1957 года. Мать-одиночка пристроила ребенка в коррекционную школу на Арбате. Людмила Скубко-Карпас нередко рисовала воспитанников учреждения и запечатлела кудрявого малыша.

Экспозиция составлена в основном из портретов: модели показаны психоло-

гически точно, без прикрас. Любопытно, что на одной из этикеток, помимо подписи Сергея Скубко, указано и имя Юрия — не художника, но обладателя ученой степени кандидата искусствоведения:

— Отец дал возможность пощекотать самолюбие, позволил сделать несколько мазков. Хотя, конечно, это его картина.

Наследие супругов Скубко — камерное и очень «московское», несмотря на среднеазиатские пейзажи, выполненные Сергеем Михайловичем. Эти произведения лишены вызывающих эффектов, зато ориентированы на традицию — академизм, работы передвижников. Как признается сын художников:

— Они никогда не думали о продвижении, пиаре. Работали спокойно, достойно. Сейчас искусство стало коммерческим, оно кричит. А творчество родителей говорит тихим голосом.

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

Легкий друг Приапа

В ПАРИЖСКОМ дворце Пети-пале проходит выставка «Творец фантазмов», открывающая творчество французского архитектора, художника и дизайнера Жан-Жака Лекё (1757–1826), чье имя около двух столетий пребывало в забвении.

Незадолго до своей кончины Жан-Жак Лекё передал около восьмисот работ в Национальную библиотеку Франции, где они остаются и поныне. Для Пети-пале отобрали около ста пятидесяти — автопортреты, архитектурные эскизы и серию эротических рисунков.

Лекё появился на свет в семье плотника в Руане. Обратил на себя внимание в городской художественной школе, а потом в Королевской архитектурной академии Парижа. Работал в мастерской знаменитого архитектора Жак-Жермена Суффло над созданием церкви Святой Жевевы, превращенной со временем в Пантеон — усыпальницу великих «сынов Отечества».

Жизнь Лекё пришлось на три эпохи — монархию, революцию и империю. Он стремился приспособиться к каждой из них. Вначале искал клиентов среди аристократии, после кровавого свержения монархии состоял на службе якобинцев, и в частности входил в состав «Народного и республиканского общества искусств». Участвовал в организации революционных праздников. Он всегда принимал сторону победившего режима и создавал для него фантастические архитектурные утопии, но они за редчайшими исключениями оставались нереализованными: будь то Королевский театр, Храм равенства, Дворец императора, Мавзолей Людовика XVI или Остров любви и отдыха. Источниками вдохновения художнику служили античные авторы, и в частности Плутарх и Овидий, философы-энциклопедисты, естествоиспытатель Жорж-Луи Бюффон. К сожалению, экстравагантные и эклектичные фантазии Лекё не вписывались в привычные каноны, не соответствовали духу времени и потому оставались невостребованными. На конкурсах побеждали более реалистичные проекты. На жизнь мастер зарабатывал, трудясь скромным чиновником в Кадастровом ведомстве и в Политехнической школе. В своих записках Лекё жаловался, что стал жертвой интриг товарищей по цеху, которые его ненавидели. Правда, он отвечал им той же монетой.

Аутсайдер и маргинал, Лекё и поныне остается личностью загадочной. Помимо архитектуры, он трудился над техникой создания совершенного, с его точки зрения, рисунка. Виртуозный мастер написал много автопортретов — на некоторых почему-то запечатлел себя с искаженной мимикой.

Нынешний зритель прежде всего увлеченно рассматривает в Пети-пале его блистательные эротические экзерсисы. После смерти художника они долгие годы укрывались в хранилище Национальной библиотеки, так называемом «Аду», где, помимо произведений Лекё, томился 2600 «непристойных» творений маркиза де Сада, Мирабо, Аретино, Аполлинера и других. Холостяк Лекё выбирал модели в публичном доме, где, по всей видимости, на какое-то время нашел себе крышу над головой. Некоторые современники называли его мрачным эротоманом, маньяком, неврастеником, безумцем и даже извращенцем.

Его фаллические сюжеты, подчеркивают эксперты, связаны с античным богом плодородия Приапом, олицетворявшим одновременно мужскую потенцию. В его чувственных этюдах обнаженной натуры психоаналитики-фрейдисты обнаружили выражение сексуальных фрустраций художника.

Искусствоведы отмечают в его архитектурных работах наследие знаменитого итальянского художника-графика Джованни Баттисты Пиранези, а также прослеживают влияние Лекё на сюрреалистов прошлого века — Магритта, де Кирико, Дельво, Дюшана.

Успех сегодняшней выставки служит очередным примером возвращения из небытия художника, который, казалось бы, навечно канул в Лету.

Юрий КОВАЛЕНКО Париж

LA BACCHANTE.

Le grand travailleur.